

ИСТОРИЯ

УДК 930.1

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2009 г.

И.Ю. Ващева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vasheva@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2009

Анализируются возникновение, содержание и когнитивные возможности одной из актуальных сегодня в исторической науке концепций – концепции поздней античности, созданной британскими исследователями и завоевавшей прочные позиции в современном научном мире. Отмечаются также трудности и новые перспективы исследования, связанные с новым подходом.

Ключевые слова: поздняя античность, раннее средневековье, Римская империя, Византия, историографии, историческая наука.

Поздняя античность в различных ее проявлениях на сегодняшний день является одной из самых актуальных и обсуждаемых в исторической литературе проблем. В современной историографии данный период определяется по-разному. В зависимости от своей профессиональной специализации одни называют его «периодом поздней Римской империи», другие – «ранним Средневековьем», третьи – «ранневизантийским» или «протовизантийским» периодом. Наконец, в последние десятилетия в иностранной историографии возобладали тенденции рассматривать данный период как самостоятельную эпоху – «эпоху поздней античности» (Late Antiquity).

В 70–80-е гг. XX века в исторической науке, по меткому выражению итальянского исследователя Андреа Жардины, произошел настоящий «взрыв» в изучении поздней античности [1]. Такой интерес исследователей к данной эпохе не случаен. Во-первых, этот период уже сам по себе представляет очень сложное время, эпоху перехода от античности к средневековью, эпоху кардинальных изменений и трансформаций во всех сферах жизни общества. Это очень сложный период, важный с точки зрения понимания механизмов трансформации античного общества в средневековое. Наверное, никакой другой период не вызывал столько дискуссий и споров в научном мире, как эта эпоха, отделяющая «высокую» античность от «темного» Средневековья. Во-вторых, всплеск интереса к этой не-

обычной эпохе связан с появлением новой, весьма специфической концепции, вызвавшей огромный резонанс в научном мире, – концепции поздней античности.

Примечательно также, что новаторская идея, которая получила мировое признание и получила распространение в англо-американской литературе, а затем и во всей европейской науке, первоначально являлась «внутрисемейным делом одного из старейших университетских центров Старого Света, плодом развития оксфордской школы исторических исследований» [2, с. 253].

Предпосылки возникновения новой концепции

Появление самой концепции поздней античности обусловлено несколькими мощными факторами. Во-первых, данная теория явилась неким ответом, реакцией на консервативность традиционной британской историографии. Эта консервативность проявлялась, например, в том, что стереотип восприятия всей византийской истории и периода поздней античности, принятый еще в конце XVIII века, благополучно дожил до сегодняшнего дня. Сам термин «поздняя Римская империя» или «конец античности» несет определенное оценочное значение. Со времен Э. Гиббона эпоха, начинающаяся с правления императора Диоклетиана, рисуется исключительно как период непрекращающегося разложения и упадка, разрушения и отмирания

античных традиций, деградации римского права, культурных традиций, общества в целом.

Сочинение Гиббона [3], появившееся накануне Французской революции, имело ошеломляющий успех. Это был, по сути, первый исторический труд, не просто собирающий факты, но дающий определенную интерпретацию и объяснение исторического процесса. При этом сам процесс был прослежен на огромном временном отрезке и в рамках почти всей Европы (или даже более того). С момента появления данного труда на Гиббона как на авторитет ссылаются ученые Англии, Франции, Германии и других европейских стран, даже те, которые находят в его сочинении определенные неточности.

Данная работа ценна не только колоссальным фактическим материалом, собранным и поданным блестящим литературным стилем, но и наличием общих идей, определивших дальнейшее направление исследований античной и всемирной истории. К числу таких идей относится взгляд Гиббона на причины упадка и гибели Римской империи, на закат античной цивилизации.

По его мнению, здесь действовал целый комплекс причин: деспотизм императорской власти, усилившийся со времен Септимия Севера (193–211); вырождение и своеволие римской армии, которая сначала посягнула на свободу Римской республики, а затем на величие императорского пурпура; это порожденный богатством и роскошью нравственный упадок римского общества; особая вина возлагается автором на христианство, обесценившее активные социальные добродетели и последние остатки воинского духа; наконец, победоносное нашествие варваров. Таким образом, падение Западной Римской империи объясняется не одной причиной, а целым комплексом факторов, однако преобладающим у него остается тезис о разлагающем и парализующем воздействии на римских граждан новой религии смирения и утешения – христианства.

Эти положения, сформулированные Э. Гиббоном, во многом определили направления и рамки исследования античной и средневековой истории в последующее время. По сути дела вся дальнейшая наука об античности не вышла за рамки этого представления, ставшего во многом стереотипным, незыблемым. Причем если идея о продолжении упадка и деградации античных традиций и институтов вплоть до XV века вызвала естественную критику в кругах профессиональных историков, то остальные положения Гиббона – о деспотизме императорской

власти, милитаризации политической системы, о роли варварских нашествий и даже о губительной роли христианства – во многом были приняты традиционной исторической наукой.

Стереотип описания кризиса и упадка античного общества периода Поздней империи существовал на протяжении большого периода, и, естественно, именно в британской науке инерция влияния идей Гиббона продолжалась особенно долго. Не удивительно, что именно в британском научном сообществе столь резко и четко была сформулирована альтернативная позиция, начат поиск новой перспективы развития историографии.

Историки, занимающиеся сегодня изучением античного мира, и в особенности поздней античности, не столь категорично настроены в отношении христианства и его роковой роли в истории позднего Рима, и даже довольно позитивно оценивают достижения христианской литературы, богословия, монашества и т.д. Историю византийской истории современные историки также рассматривают иначе, противопоставляя утверждению Гиббона идею о возникновении на византийской почве особой своеобразной исторической цивилизации, отличной от античной, и также неадекватной западноевропейскому Средневековью. На место концепции «упадка и гибели» античного общества приходит альтернативное представление о трансформации античной культуры и зарождении и формировании особой цивилизации [4; 5]. Однако проблема оценки и определения того мира, который сформировался на огромном пространстве Средиземноморского мира после падения Римской империи, до сих пор остается открытым. Таким образом, концепция поздней античности во многом отвечает на те вопросы, которые не находили ответа в консервативной британской историографии и прежней парадигме исторического знания.

Вторым мощным фактором, подготовившим появление новой концепции, является развитие самой исторической науки. Концепция поздней античности появилась на новом этапе развития мирового гуманитарного знания и стала результатом обострения противоречий между приверженцами правовой и институциональной истории, с одной стороны, и сторонниками изучения более общих вопросов культуры общества – с другой. Концепция поздней античности изначально была направлена против традиционного изучения преимущественно правовой и институциональной истории, против инертности академической науки. Изучение античности в русле исследования институциональной истории на

основе письменных источников (в первую очередь правовых документов) являлось традиционным для британской историографии. Все прочее отбрасывалось как необъективное, недостоверное и соответственно оставалось вне исследовательского поля британских историков. Таким образом, круг проблем, заслуживающих внимания ученых, оказывался достаточно узким.

Вместе с тем возникновение концепции поздней античности с особым вниманием к культурному и религиозному развитию общества явилось в какой-то степени ответом на утверждение в британской историографии марксистских или постмарксистских идей об определяющей роли экономики в развитии общества. Британская историография долго отрицала марксистский подход, видя в нем лишь абсолютизирование классовой борьбы в обществе [6, р. 203–204], однако начиная с 60-х гг. XX века экономический подход уверенно входит и в исторические исследования этого переходного периода; отдельные аспекты экономической жизни общества (такие как рабство, колонат, различные производства, города, развитие ремесленной техники и проч.) все больше привлекают внимание исследователей [7–11]. И хотя он понимался шире и не ассоциировался исключительно с марксизмом, тем не менее, все общественные и исторические явления начинают интерпретироваться сквозь призму экономики. Затем 70–80-е гг. XX века ознаменовались новым откатом к прежним традициям.

С выступлением Питера Брауна привычная тенденция начала сменяться интересом исследователей к темам и областям, находившимся ранее на периферии исторической науки – к истории культуры, религиозности и ментальности в целом, как структурам, определяющим лицо позднеантичного мира.

Новый подход рассматривает культуру позднеантичного общества очень широко – от материальной до конфессиональной составляющей, что соответственно потребовало расширения круга исторических источников. Если ранее изучались почти исключительно юридические и хозяйственные акты как наиболее достоверные и объективные, а исторические сочинения античных и средневековых авторов рассматривались лишь с фактографической точки зрения, то теперь наибольший интерес и внимание исследователей вызвали именно литературные произведения представителей той эпохи (не только исторические, но и догматические, полемические, литературные сочинения) [12–18] и визуальные источники (произведения живописи,

архитектуры, миниатюры и т.д.) [19–27]. С 60–70-х гг. начинается бум изучения литературной традиции. Впервые, пожалуй, ставятся вопросы о том, как через литературные памятники преломляется сознание и мировоззрение авторов, как меняется сама интеллектуальная парадигма поздней античности [28–45]. Большую роль в развитии этого направления сыграл Арналдо Момильяно (в 1952–1972 гг. профессор античной истории в Лондоне), заложив основы нового направления в исторической науке – истории исторической мысли [46–52].

С этого времени стали активно интерпретироваться особенности не только нарождающегося мира христианского Запада, но и восточнохристианской культуры и народов нехристианского Востока. Так, благодаря появлению новой концепции британская историография переживает еще один бум в изучении Востока (культуры, религии, литературы и т.д.).

Представители британской науки с удовлетворением и гордостью заявляют, что данная концепция и в целом такой подход к изучению истории с акцентом на культурную составляющую и с учетом образовательного и интеллектуального контекста, в котором создавалось то или иное произведение литературы, архитектуры, живописи и т.д., является именно и исключительно «англо-центристским феноменом» [53, р. 190], порождением именно британской историографии и особенно оксфордской академической науки. Однако при ближайшем рассмотрении совершенно очевидным становится влияние французской школы «анналов», классических трудов М. Блока, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа. Возможно, данное влияние осуществляется не напрямую, но общее развитие исторической науки XX века идет по пути, указанному в свое время «анналистами». Акцент на изучение культуры, религиозной сферы, ментальности, выявление определенных структур, определяющих лицо позднеантичного мира, на наш взгляд, созвучны идеям, высказанным в свое время классиками французской медиевистики. Не случайно, что впервые данная концепция была выдвинута и развита в трудах ученого-историка, который сформировался, получил образование не как антиковед или специалист по римской истории, а именно как медиевист. Вероятно, именно это обстоятельство, с одной стороны, определило широту взглядов и определенную смелость в низвержении стереотипов, принятых на тот момент в науке, а с другой – обусловило сам ракурс исследования.

В-третьих, еще одним фактором, способствовавшим появлению новой концепции, оказа-

лось не только развитие науки, но и изменение политической ситуации. Самими британскими учеными подчеркивается политическая актуальность нового подхода. По их мнению, именно современная политическая ситуация, или, точнее говоря, ситуация последних 20–25 лет, когда в Европе активизировались интеграционные процессы и когда государственные границы, конфессиональные и культурные барьеры казались не столь существенными и непреодолимыми, подтолкнула к изучению культурной, религиозной, государственной, социальной и культурной интеграции в период поздней античности.

Таким образом, современная британская историография пришла к пониманию того, что не только источник дает нам необходимую и объективную информацию, но и исследователь со своим складом ума, своими стереотипами мышления, своим культурным горизонтом и с проблемами, волнующими современное ему общество, по-своему смотрит на источник и видит в нем ответы на собственные вопросы и проблемы. Соответственно, в новую политическую и научную ситуацию уже не вписывается традиционное представление о варварском завоевании, вторжении и падении Римской империи, а вместе с ней – и крушении всего античного мира. Соответственно исследователи, как представители своего времени, отходят от рассмотрения политических, религиозных и других конфликтов, глобального слома и разрыва и мыслят уже иными категориями – категориями континуитета, трансформации, идеями поликультурного и поликонфессионального общества, всеобщей интеграции. И концепция поздней античности как нельзя лучше соответствует этим стандартам.

Не случайно, что в 80-е годы данная концепция не только обсуждается в среде узких специалистов, но и попадает на страницы популярных изданий и во многом изменяет всю систему преподавания всемирной истории в высшей школе.

Питер Браун и возникновение концепции

Вплоть до недавнего времени история Средиземноморского мира в эпоху поздней античности находилась на периферии исторической науки. Данный период, как правило, выпадал из университетских курсов. Историки античности не рассматривали его, поскольку позднеримское общество обнаруживает слишком много «средневековых» элементов, и это уже не совсем античность. Медиевисты пропускают его, поскольку вплоть до VII – IX и даже XI века про-

должает существовать слишком много «пережитков» античного мира, и это еще не совсем средневековье. Византилисты ставят вопрос о том, с какого момента можно говорить собственно о Византии как об особой византийской цивилизации, и данный период снова оказывается вне их исследовательского поля. Действительно серьезное научное осмысление данного периода в истории Средиземноморского мира как отдельной, самостоятельной эпохи ведется сравнительно недавно.

Предметное изучение данного периода началось, можно сказать, в 1964 году, с появлением фундаментальной двухтомной работы А.Х.М. Джонса «Поздняя Римская империя: очерк социальной, экономической и административной (жизни)» [7]. В данной работе последовательно рассматриваются система управления, администрация, финансы, право, армия, города и сельское хозяйство, торговля и транспорт, церковь и религия, образование и культура, Рим и Константинополь и, наконец, «падение империи». Несмотря на значительную описательность данной работы, это была первая фундаментальная монография в англоязычной литературе, специально посвященная поздней Римской империи. Значение данной работы состоит не столько в том, что она внесла нечто принципиально новое в понимание эпохи (она полностью лежала в рамках прежней историографии), но в том, что она стала неким толчком, отправной точкой, отталкиваясь от которой получило жизнь целое направление в исторической науке.

Всего через несколько лет после грандиозного труда Джонса, в 1971 году увидела свет небольшая монография Питера Брауна «Мир поздней античности» [54], которая произвела настоящий переворот в изучении этой сложной эпохи и имела огромный резонанс в научном мире [55; 56, р. 46–73; 57]. Именно с этого времени сам термин «поздняя античность» уверенно входит в обращение, и сама модель поздней античности, представленная здесь Брауном, определяет новое направление дальнейших исследований для целого поколения исследователей. Данная работа произвела ошеломляющий эффект, поскольку представила читателю живую, захватывающую дух панораму совершенно иного мира со II по VII век и в географическом отношении охватывающую христианскую ойкумену от западных провинций до сасанидского Ирана. Это была не привычная картина упадка «классической античности», разложения прежних традиций и отношений, но, напротив, время новых возможностей и кардинальных изменений, разнообразия и творчества, что нашло от-

ражение в чрезвычайно богатой и разнообразной литературной традиции, произведениях искусства, строительстве и т.д. Более того, перед читателем предстала не исключительно христианская империя, но очень неоднородное и поликонфессиональное образование, в котором наряду с христианством одинаково большую роль играли неоплатонизм, старые языческие античные культы и представления, а также различные религиозные практики, широко распространенные на восточных границах империи. В этом же году П. Браун издал большую статью о «святых людях», в которой под этим названием объединил и христианских святых и неоплатонических философов и аскетов [58. См. также 59–60]. Данная работа подстегнула интерес исследователей к религиозной жизни поздней античности, святым, аскетизму и прочим явлениям, ранее не становившимся объектом специального исследования историков. Итак, впервые поздняя античность стала рассматриваться как самостоятельная эпоха, обладающая целым рядом собственных специфических черт, а в исторической науке появился еще один очень важный объект исследования.

Кроме того, концепция поздней античности поменяла и традиционный подход к изучению исторической действительности. В 60-е гг. XX века Джонс, одним из первых обратившийся к исследованию III–VII веков как самостоятельной эпохи, разделял в основном социально-экономический подход [7], популярный и актуальный в то время, и рассматривал преимущественно социальную структуру, экономические институты и систему управления в качестве основных факторов, определивших своеобразие данной эпохи, нежели политические события того бурного времени. Однако он совершенно не рассматривал вопросы религиозной истории, которые сегодня зачастую выносятся исследователями поздней античности на первый план. Работа Питера Брауна, которая вышла буквально через несколько лет после работы Джонса, предлагает совсем иной взгляд на позднеантичное общество – прежде всего с позиции культуры и религии. Несмотря на то что данная работа также встретила бурную полемику и очень неоднозначную оценку в научном мире, тем не менее, она вызвала к жизни появление целого поколения историков нового направления. Сегодня в качестве одного из важнейших факторов развития позднеантичного общества признается религиозный. Именно становление и развитие христианской церкви, христианизация поздней Римской империи, соответственно Вселенские соборы, становление догматики и по-

явление различных направлений в христианстве, в том числе и еретических, а также изменения в идеологии, системе образования и культуре в целом стали преобладающими темами в исследовательской литературе последних 30 лет. Именно эти явления, с точки зрения современных западных исследователей, во многом определяли лицо позднеантичного общества.

Впрочем, на Западе есть и немало противников этой концепции и подхода, предложенного П. Брауном. Сам П. Браун и его последователи основное внимание уделяют именно религии как главной составляющей культуры и самосознания позднеантичной эпохи, однако практически не обращаются к анализу экономической жизни и институциональных изменений. Именно эта черта вызывает наибольшую критику со стороны исследователей, придерживающихся традиционных подходов экономической и институциональной истории [8–10; 1].

Концепция поздней античности поменяла и привычный взгляд на эпоху III–VII веков. Со времен Э. Гиббона в исторической и популярной литературе традиционно содержание данного периода трактуется исключительно в негативных тонах – как распад римской государственной системы, упадок и разложение империи. Именно сочинение Гиббона служит тем авторитетом, с которым сверяют свою позицию даже современные историки [61].

С выходом в свет монографии П. Брауна ученые впервые, пожалуй, взглянули на данную эпоху с совершенно иных позиций и обнаружили, что это было время экспериментов, творческих поисков практически во всех сферах жизни. Если традиционная историография рисует образ Византии как теократического государства, а потому статичного, неизменного, консервативного, во многом косного, то новый взгляд на период поздней античности и ранней Византии дает совершенно иной образ.

Как показывают исследования последних десятилетий, именно в этот период было сделано или получило свое окончательное оформление то, что унаследовала Западная Европа от античности, и то, с чем в современном сознании ассоциируется античность. (Кодифицировано римское право; собраны, систематизированы и растиражированы исторические и литературные сочинения античных авторов; архитектура становится областью активных поисков новых форм и конструкций и т.д. [53, р. 172–173; 38])

Итак, концепция поздней античности коренным образом изменила объект исследования целого поколения ученых, подход и оценку периода, традиционно воспринимавшегося лишь

как промежуточный, лишенный самостоятельности и оригинальности. Вместе с тем новая концепция поставила перед учеными и новые проблемы.

Термин и содержание эпохи. Проблемы и трудности

В настоящее время суть и наследие этой непростой эпохи являются одной из самых актуальных проблем [62–66]. Именно этот период («поздней Римской империей» или «поздней античностью»), стоит в центре внимания современных исследователей и в англоязычном мире уверенно входит в университетские курсы античной истории [67–69].

Во многом именно П. Брауну принадлежит заслуга утверждения в англоязычной исторической науке новой концепции «долгой поздней античности» (*long late antiquity*), согласно которой античный мир не перестал существовать с падением Западной Римской империи в 476 году. Он показывает континуитет многих традиций, отношений, явлений, характерных для поздней античности и сохраняющих свое значение позднее. Ученики и последователи П. Брауна, принявшие его тезис, пошли дальше и доводят свое повествование до VIII–IX веков. При этом часто подразумевается, что даже исламский мир явился не антиподом и отрицанием античности, но неким продолжением Средиземноморского мира поздней античности [70; 38].

Таким образом, поздняя античность предстает неким своеобразным миром, одинаково отличным и от античной цивилизации, и от классического Средневековья, от мира христианского Запада и мира мусульманского Востока и в то же время тесно связанным некими неразрывными узлами и с тем, и с другим. Этот специфический мир поздней античности сам по себе предстает очень разнообразным и в то же время единым и самодостаточным феноменом. Сама оценка и понимание сути этого феномена требуют ответа на многие вопросы.

Соответственно с возникновением новой концепции сразу же встал вопрос о хронологических рамках той самостоятельной эпохи, которую исследователи, с легкой руки П. Брауна, назвали «поздней античностью».

Не только выбор термина или тем более качественная характеристика эпохи, но и сами границы данного периода представляют определенную проблему, которая не только до сих пор не разрешена и вызывает ожесточенные дискуссии, но, очевидно, будет обсуждаться и

вызывать споры еще довольно долгое время [7; 54; 71–73].

Действительно, достаточно трудно четко определить поворотный момент, отделяющий эпоху античности от периода поздней античности, так же как и обозначить границу между Средневековьем и ранним Средневековьем. Как правило, в основу той или иной периодизации положены события политической жизни. Однако поскольку в данный период большинство изменений происходило постепенно и можно выделить скорее некоторые тенденции развития, нежели поворотные моменты, то, как правило, исследователи выстраивают свою периодизацию, отталкиваясь от годов правления императоров или каких-либо эпохальных событий. Одни начинают эпоху поздней античности или раннего Средневековья с правления Диоклетиана (284–305), другие – с начала правления Константина или основания новой столицы, Константинополя (330), третьи – с формального разделения империи на две части в 395 году и т.д. Ни одна из этих дат не является абсолютной, они в значительной степени условны и приняты историками лишь для удобства исследования. Историки социально-экономического направления, к числу которых можно отнести не только историков-марксистов, но и других русских историков, например М. Ростовцева, связывают конец античного мира с кризисом античного рабства, пик которого пришелся на III век. Сторонники нового подхода, рассматривая в качестве определяющего религиозный фактор, началом новой эпохи считают Миланский эдикт (313 г.). В любом случае реалии экономической, политической, религиозной и культурной жизни неким узлом связываются в IV веке, и именно с этого времени можно уверенно говорить о формировании своеобразного мира поздней античности.

До недавнего времени все крупнейшие издания по истории античности заканчивались началом IV века. Так, например, первое, классическое, издание Кэмбриджской истории античности (1923–1939 гг.) заканчивалось 324 годом, датой начала самостоятельного правления императора Константина, и всячески избегало рассказа о том периоде Римской империи, когда она становится христианской империей [74]. Нет здесь упоминаний ни об основании и строительстве Константинополя и о переносе столицы империи на Восток, ни о падении Западной Римской империи в 476 году. Однако новое издание той же Кэмбриджской истории античности воспринимает античность уже значительно шире и два дополнительных тома до-

водят свое повествование вплоть до 600 года [75–76]. Монументальный проект «Просопография Поздней Римской империи», инициированный еще Джонсом и законченный в 1992 году, охватывает период 260–641 гг. [77–79]. Интересно, что сам П. Браун первоначально выделил в качестве особого периода 150–750-е годы. В последующих же публикациях под редакцией П. Брауна по теме поздней античности даты сдвигаются по крайней мере на полстолетия – 250–800 гг.

Во многом подобная разница во взглядах объясняется тем, что исследователи занимаются разными проблемами, разными периодами и смотрят на проблемы периодизации со «своих» позиций. Византилисты, привыкшие к многочисленным проявлениям континуитета, склонны продлять позднюю античность вплоть до арабского завоевания. Историки же, занимающиеся проблемами западноевропейского Средневековья, по-прежнему настаивают на кардинальной ломке всех устоев, последовавшей за варварскими вторжениями V века.

С определением верхней границы поздней античности дело обстоит еще сложнее. В качестве конечной даты часто называют начало VII века (602 год – смерть императора Маврикия или нашествие арабов в 20–40-е гг. VII века). Однако эти события больше повлияли на судьбы Восточной Римской империи, нежели имели отношение к истории Запада. В качестве же событий, кардинально изменивших лицо Западной Европы, обычно указывают варварские нашествия и соответственно в качестве таких поворотных моментов часто называют 378 год (битва у Адрианополя) и 476 год (падение Западной Римской империи), однако современники не заметили этого грандиозного события, и 476 год скорее является некой условной датой, нежели реальным рубежом между двумя эпохами.

Таким образом, трудно найти единую дату для обозначения некоего качественного рубежа между эпохой античности и своеобразным миром поздней античности и между поздней античностью и Средневековьем. Многообразие реальной жизни, а также множественность подходов и точек зрения, с которых исследователи рассматривают данную эпоху, дают возможность различных интерпретаций событий и соответственно основу для построения разных периодизаций истории. В целом, хронологические рамки периода выглядят весьма размытыми. Трудно выбрать какую-либо одну дату, изменившую характер жизни целого общества на всем пространстве Средиземноморской ойку-

мены. Слишком очевидны региональные различия, различаются темпы и ритмы развития. Чаще всего в литературе выделяют в качестве условных границ IV–VII века, но конкретно-исторические исследования могут сдвигать их как в ту, так и в другую сторону. Данная неопределенность и многозначность связана и с качественной характеристикой эпохи. Исследователи сходятся, пожалуй, только в одном – в том, что это был период перехода и всевозможных трансформаций.

Вместе с вопросом о хронологических рамках эпохи возникает вопрос и о факторах, способствовавших формированию нового мира. Весьма распространенным тезисом в традиционной историографии было представление о роли внешних факторов, и прежде всего варварских переселений, нашествия новых иноязычных племен: варваров на Западе, арабов на Востоке. Соответственно, очень дискуссионными и важными для исследователей оказываются вопросы варварских нашествий и арабского завоевания: что это было на самом деле? Какова реальная роль варварских образований в европейской истории? Каково их влияние на формирование нового мира? Несли ли они кардинальный слом устоев или же нет? В современной англоязычной историографии на этот счет сегодня сформировались две довольно устойчивые модели, объясняющие европейскую действительность IV–VII веков. Первая – это традиционная концепция миграций (массовые переселения варварских племен, сопровождавшиеся завоеваниями, коренным образом изменили лицо Западной Европы в течение короткого времени). Вторая и, пожалуй, более популярная сегодня – концепция постепенного вытеснения и взаимовлияния [80, р. 46]. Для П. Брауна, как и для других авторов концепции поздней античности, варварское вторжение на территорию Западной Римской империи само по себе не прерывает традиции античной культуры. Также и в ареале культуры Сасанидского Востока изменения наступают еще до арабского мусульманского натиска.

Таким образом, вновь поднимаются и начинают обсуждаться вопросы о масштабах варварских завоеваний, сути великого переселения народов и их роли в крушении римской цивилизации и становлении нового мира.

Соответственно подвергается сомнению ставшая уже общепризнанной модель падения Западной Римской империи в результате внешнего завоевания германскими племенами [81]. Вновь ставится вопрос о причинах падения империи и все больше внимания уделяется внут-

ренним процессам [82–84]. Если отечественная историография давно говорит о внутренних предпосылках кризиса и падения Римской империи, то для британской историографии данное утверждение является в значительной степени новым. Современная британская историография видит в возникновении и утверждении такого подхода к объяснению тенденций и процессов позднеантичной эпохи прямое влияние политической ситуации конца XX века (крушение коммунизма и затем быстрый распад всей политической системы показал пример того, как могло произойти крушение и другой империи в древности, и главную роль в этом процессе играл не внешний фактор, а внутренний) [53, p. 190]. В настоящее время в западной историографии наибольшей популярностью пользуются именно теории системного кризиса (systems collaps).

С выходом в свет монографии и статей Брауна вновь оживились споры и вокруг так называемого «тезиса Пиренна» [85; 86; 56, p. 237–259, 240–241]. Бельгийский историк Анри Пиренн в своей работе, ставшей уже классической, утверждал, что действительное разделение между Востоком и Западом, как и между античностью и Средневековьем, произошло не в результате варварских нашествий, а в результате арабского завоевания. Необходимость реорганизации военной системы и переход к конному войску кардинальным образом изменяют социальную структуру всего общества и, таким образом, вызывают к жизни ту систему организации общества, которую принято называть феодализмом или западноевропейским Средневековьем. Однако этот «тезис Пиренна» до сих пор остается предметом острых споров. Другие исследователи на основании археологических материалов показывают, что, несмотря на все политические перипетии, завоевания, изменения государственного устройства и т.д., тип поселений, материальная культура и образ жизни людей в странах Средиземноморья остается неизменным вплоть до кардинальных преобразований XI века [87; 88].

Данный тезис породил бурные дискуссии, которые продолжаются до сих пор. Свидетельства и аргументы, подтверждающие или опровергающие данный тезис, ученые черпают из самых разных областей. Одним из таких важных и убедительных показателей континуитета или цезуры в существовании цивилизации, по мнению английских исследователей, является керамика [89–91], типы жилищ, прекращение или продолжение внешней торговли в Средиземноморском регионе после вандальского за-

воевания, а также весь комплекс хозяйственно-экономической жизни. В этом отношении довольно трудно говорить о некоем единообразии и единстве всего Средиземноморского мира, поскольку слишком очевидна разница в уровне экономического развития и благосостоянии между процветающими городами Сирии и Палестины IV–VII веков и нищими западными частями империи [92], но в целом концепция «долгой античности» в современной англоязычной литературе является преобладающей.

Конкретно-исторические исследования экономического строя, социальных структур, местных форм жизни и хозяйствования поставили вопрос и о географических рамках этого мира поздней античности. Современное географическое восприятие античного (или позднеантичного) мира подверглось некоторой коррекции. Если традиционно под термином «поздняя античность» или «античный мир» подразумевалась древняя история Западной Европы и лишь пунктиром отмечалось, что Римская империя включала в свой состав огромные территории вплоть до Индии на востоке, до Северного Причерноморья на севере и африканских областей на юге, то теперь значительным интересом ученых пользуются территории именно восточных областей – Сирии, Палестина, Северная Африка и другие области по периферии Римского мира, специфике развития которых во многом и определял синтез античных и местных традиций.

Новыми и популярными направлениями исследований становятся культ святых в поликультурном пространстве христианского и исламского мира Европы, Азии и Африки, идея платонизма на широком пространстве ранне-средневековой ойкумены от Сирии до Испании, политеизм и монотеизм в период поздней античности и другие подобные темы.

Примечательно, что современная историография не только представляет некий общий взгляд на состояние Средиземноморского мира в позднеантичную эпоху с признанием того, что это был действительно поликультурный, поликонфессиональный и полиэтнический мир, но уделяет огромное внимание изучению именно негреческих культур Восточного Средиземноморья. В последние десятилетия количество изданий, посвященных этой проблематике, возросло в десятки раз. В центре внимания историков оказываются не только арабы и исламская культура, но и евреи и иудаизм, восточные народы со своими религиозными системами, а также варвары и проблемы этнической и культурной идентичности [93–95; 38].

Соответственно возникает вопрос о том, насколько единым был этот мир поздней античности и где проходила пространственная граница этого мира. Ответ на эти вопросы оказывается не столь простым и однозначным.

Значение концепции.

Ее когнитивные возможности

Итак, концепция поздней античности, сформулированная британскими учеными, оказывает большое влияние на развитие современной исторической науки и на изучение античного и средневекового мира. Во-первых, само появление концепции привлекло внимание исследователей к периоду мировой истории, который ранее оказывался на периферии исторических исследований. Данная эпоха представляет собой крайне важный, ключевой период в мировой истории с точки зрения формирования новой Европы и Византии, формирования новой картины мира, нового типа исторического сознания и мировоззрения в целом и потому особенно важен с точки зрения научного осмысления.

Во-вторых, дискуссии, связанные с возникновением концепции, открыли новые темы исследований, значительно расширили горизонт научных изысканий и в значительной степени ломают привычные стереотипы и принятые модели объяснения исторической реальности. Такой подход позволяет объяснить сходство тенденций культурного, религиозного, социального, литературного развития на огромном пространстве христианской ойкумены вплоть до VIII века, активные миграции идей и авторов от Испании до Сирии, а также общность ментальных и поведенческих установок.

В-третьих, появление новой концепции меняет и пересматривает подходы, принятые в исторической науке и ставшие уже стереотипными. Многие проблемы и дискуссии связаны не только с определенной новизной тематики и неполной изученностью многих вопросов, но и с методологической неоднозначностью и неопределенностью. В формационный подход данная концепция не вписывается. С точки зрения цивилизационного подхода, поздняя античность может рассматриваться как единое культурно-историческое пространство, отдельная цивилизация. Главным критерием для выделения такой цивилизации может служить религиозный. Однако британские исследователи пока не решаются на столь кардинальные заявления, поскольку это, естественно, повлечет за собой необходимость пересмотра принятой схемы всемирной истории. Во французской историографии том о поздней

античности для серии «Великие цивилизации» также пока не был издан [96, с. 5].

Наконец, появление концепции поздней античности привело к корректировке многих принятых и устоявшихся оценок данного периода. Эпоху IV–VII веков теперь все больше воспринимают не как упадок и разложение традиций античного мира или эпоху смут и варварских переселений, но как самостоятельный мир, богатый и разнообразный, полный специфики и оставивший миру огромное наследство.

Время возникновения и европейского признания данной концепции приходится на 70-е гг. XX века, однако в нашей стране она стала известной лишь в самое последнее время. Если в западной историографии на сегодняшний день это очень перспективное, динамично развивающееся направление исторических исследований, то в отечественной историографии, к сожалению, пока еще можно назвать очень немного работ, посвященных самой концепции [97; 98; 2], а также работ, специально рассматривающих этот чрезвычайно сложный период мировой истории [99–103]. Но можно с уверенностью сказать, что для отечественной историографии данное направление сегодня оказывает одним из самых новых и перспективных.

Список литературы

1. Giardina A. Esplosione di tardoantico // *Studi Storici*. Vol. 40. 1999. P. 157–180.
2. Селунская Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. С. 249–253.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: Наука, 1997. Т. 1–6.
4. The Transformation of the Roman World: Gibbon's Problem after Two Centuries / Ed. by L. White. Jerusalem, 1966.
5. Vogt J. Der Niedergang Roms. Zürich, 1965.
6. Morley N. Ancient History: Key Themes and approaches. L.–NY., 1989.
7. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, AD 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey. L., 1964.
8. Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. London, 1974.
9. Wickham C. The other transition: from the ancient world to feudalism // *Past and Present*. Vol. 103. 1984. P. 3–36.
10. Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production. London, 1993.
11. The City of Late Antiquity. Ed. by J. Rich. London, 1992.
12. Steppa J.-E. John Rufus and the World Vision of Anti-Chalcedonian Culture. Gorgias Press. New Jersey, 2005.

13. George J. Severus of Antioch's Response to Heresy and Religious Promiscuity // *Studia Patristica*. Vol. XLII. 2003. P. 133–139.
14. Wessel Susan. Cyril of Alexandria and the Nestorian controversy: the Making of a saint and a heretic. New York, Oxford. Oxford University Press, 2004.
15. Vaggione R.P. Eunomius of Cyzicus and the Nicene Revolution. Oxford, New York, 2000.
16. Arianism. Historical and Theological Reassessments. Papers from the Ninth International Conference on Patristic Studies. (Sept. 5–10, 1983, Oxford) Ed. by R.C. Gregg. Philadelphia, 1985.
17. Pavouris R. The Condemnation of the Christology of the Three Chapters in its Historical and Doctrinal Context. The Assessment and Judgement of Emperor Justinian and the Fifth Ecumenical Council (553). Glasgow, 2001.
18. Monophysite texts of the sixth Century. Ed. by A. van Roey and P. Allen. Leuven, 1994.
19. Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.
20. Mathews F. The Clash of Gods: a Reinterpretation of Early Christian Art. Princeton, 1993.
21. Kitzinger E. The cult of images in the age before Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 8. 1954. P. 83–150.
22. Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. London, 1971.
23. Elsner J. Art and the Roman Viewer. Cambridge, 1995.
24. Smith R.R.R. Late antique portraits in a public context: honorific statuary at Aphrodisias in Caria, AD 300 – 600 // *Journal of Roman Studies*. Vol. 89. 1999. P. 155–189.
25. Art and Text in Roman Culture. Ed. by Elsner J. Cambridge, 1996.
26. The Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century. Ed. by Weitzmann K. New York, 1979.
27. Kitzinger E. Byzantine Art in the making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art, 3rd–7th Century. Cambridge Mass., 1977.
28. Averil and Alan Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the late Empire // *Classical Quarterly*. New Series. Vol. 14. № 2. 1964. P. 316–328.
29. Mango C. New Religion, Old Culture // *The Oxford History of Byzantium*. Ed. by C. Mango. Oxford, 2002. P. 96–120.
30. Cameron Averil. Early Byzantine Kaiserkritik: Two Case Histories // *Byzantine and Modern Greek Studies*. Vol. 3. 1977.
31. Cameron Alan. The end of Ancient Universities // *Cahiers d'Histoire Mondiale*, 10, 1967. P. 653–673.
32. Cameron Averil. Changing Cultures in Early Byzantium. Variorum. Aldershot, 1996. II.
33. Cameron Averil. Continuity and Change in the sixth Century. Variorum. Gr. Yarmouth, 1981. X.
34. Cameron Averil. Models of the Past in the late sixth Century: The Life of the patriarch Eutychius // *Reading the Past in Late Antiquity*. Ed. By G. Clarke. Australian National University Press, 1990. P. 205–223. Reprinted in: Averil Cameron. *Changing Cultures in Early Byzantium*. Variorum. Aldershot, 1996. II.
35. Haldon J. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990.
36. History and Historians in Late Antiquity. Ed. by Br. Croke and A.M. Emmeth. Pergamon Press. Sydney, 1983.
37. Kaster R. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1988.
38. Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World. Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge Mass., 1999.
39. Liebeschuetz J.H.W.G. From Diocletian to the Arab Conquest: change in the late Roman Empire. Aldershot, 1990.
40. Maas Michael. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian. London – New York, 1992.
41. Reading the Past in Late Antiquity. Ed. by Gr. Clarke with Br. Croke, R. Mortley. Australian National University Press, Canberra, 1990.
42. Scott R. The Classical Tradition in Byzantine Historiography // *Byzantium and the Classical Tradition*. Univ. of Birmingham. Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies. 1979. Ed. by M. Mullet, R. Scott. Birmingham, 1981. P. 61–75.
43. The Sixth Century: End or Beginning. Ed. by P. Allen and El. Jeffreys. Brisbane, 1996. The Sixth Century: Production, Distribution and Demand. Ed. by Hodges R. and Bowden W. Leiden-Brill, 1998.
44. Young F.M. From Nicea to Chalcedon: A Guide to the literature and its background. London, 1983. Yannopoulos P. La literature meso-byzantine // *Byzantion*, 73, 2003. P. 559 – 566.
45. Kaldellis A. Procopius of Caesarea: tyranny, history and philosophy at the end of antiquity. Philadelphia, 2004.
46. Momigliano A. Biblical Studies and Classical studies: Some reflections upon Historical Method // Momigliano A. On pagans, Jews and Christians. Wesley University Press, Middletown, Connecticut, 1987. P. 3–10.
47. Momigliano A. historiography of Religion: Western Views // Momigliano A. On pagans, Jews and Christians. Wesley University Press, Middletown, Connecticut, 1987. P. 11–30.
48. Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 107–126.
49. Momigliano A. The origins of Universal History // Momigliano A. On pagans, Jews and Christians. Wesley University Press, Middletown, Connecticut, 1987. P. 31–57.
50. Momigliano A. Time in Ancient Historiography // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 179–205.
51. Momigliano A. Tradition and Classical Historian // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 161–179.
52. Momigliano A. Cassiodorus and Italian Culture of His Time // Momigliano A. Studies in Historiography. London, 1966. P. 181–210; или Proceeding

- of the British Academy. Vol. XLI. London, 1955. P. 207–245.
53. Cameron, Averil. The 'long' late antiquity: a late twentieth-century model // *Classics in progress. Essays on ancient Greece and Rome*. Ed. by T.P. Wiseman. Oxford-NY., 2002.
54. Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. L., 1971.
55. Liebeschuetz J.H.W.G. A.H.M. Jones and the late Roman Empire // *Institute of Archaeology Bulletin*, 29. 1992. P. 2–8.
56. Brown P. Religion and Society in the age of Saint Augustine. London, 1972.
57. The world of late antiquity revised // *Symbolae Osloenses*. Vol. 72. 1997. P. 5–90.
58. Brown P. The rise and function of the Holy man in late Antiquity // *Journal of Roman Studies*. Vol. 61. 1971. P. 80–101.
59. Brown P. Eastern and Western Christendom in Late Antiquity: a Parting of the Ways // *The Orthodox Churches and the West*. Ed. by Baker D. *Studies in Church History*. Vol. 13. Oxford, 1976.
60. Brown P. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, 1982.
61. Cameron A. Gibbon and Justinian // *Edward Gibbon and Empire*. Ed. by R. Quinault and R. McKittrick. Cambridge, 1997. P. 34–52.
62. Brown P. The Cult of the Saints: its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981.
63. The Byzantine Saint Ed. by S. Hackel. Birmingham, 1981.
64. The Cult of the Saints in Late Antiquity and the Early Middle ages. Ed. by J. Howard-Johnston and P. Heywood. Oxford, 1999.
65. Potter D. Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire. Oxford, 1990.
66. Rapp Cl. Holy Bishops in Late Antiquity. Berkeley – Los Angeles – London, 2005.
67. Reading in Late Antiquity: a Sourcebook. Ed. by M. Maas. London, 2000.
68. Pagans and Christian in Late Antiquity: a Sourcebook. Ed. by A.D. Lee. London, 2000.
69. Religions of Late Antiquity in Practice. Ed. by R. Valantasis. Princeton, 2000.
70. Fowden G. From Empire to Commonwealth: the Consequences of Monotheism in Late Antiquity. Princeton, 1993.
71. Collin R. Early Medieval Europe 300–1000. L., 1991.
72. Cameron Av. The Mediterranean World of Late Antiquity A.D. 395–600. L. – NY, 1993.
73. The transformation of the Roman world. AD 400–900. L., 1997.
74. Cambridge Ancient History. Ed. by A. Cameron and P. Garnsey. Vol. 13. The late Empire, AD 337–435. Cambridge, 1998.
75. Cambridge Ancient History. Ed. by A. Cameron, B. Ward – Perkins and M. Whitby. Vol. 14. Late Antiquity: Empire and Successors, AD 425–600. Cambridge, 2000.
76. Marcone A. La tarda antichità e le sue periodizzazioni // *Rivista Storica Italiana*. V. 112. 2000. P. 318–334.
77. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. AD 260–395. Ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale and J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 2. AD 395–527. Ed. by J.R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 3. AD. 527–647. Cambridge, 1992.
78. Prosopographie de l'Afrique chrétienne (303–533). Ed. par A. Mandouze. Paris, 1982.
79. Prosopographie de l'Italie chrétienne (313 – 604). Vol. 1–2. Ed. par Ch. Pietri et L. Pietri. Rome, 1999.
80. Pohl W. The barbarian successor states // *The Transformation of the Roman World. AD 400–900*/ Ed. by L. Webster and M. Brown. London, 1997.
81. Bowersock Gl. W. The vanishing paradigm of the fall of Rome // *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 49. 1996. P. 29–43.
82. de Ste G.E.M. Croix. The Class Struggle in the Ancient Greek World from Archaic Greece to the Arab Conquest. London, 1981.
83. Liebeschuetz J.H.W.G. The uses and abuse of the concept of 'decline' in later Roman history, or, Was Gibbon politically incorrect? // *Recent research in Late-Antique Urbanism*. Ed. by L. Lavan. Portsmouth, 2001. P. 233–238.
84. Liebeschuetz J.H.W.G. The Decline and fall of the Late Roman City. Oxford, 2001.
85. Pirenne H. Mohammad and Charlemagne, London, 1939.
86. Frend W.H.C. The Donatist Church. Oxford, 1952.
87. Randsborg K. The First Millenium A.D. in Europe and the Mediterranean. An Archaeological Essay. Cambridge, 1991.
88. Hordern P., Purcell N. The Mediterranean World. Man and Environment in Antiquity and Middle Ages. Oxford, 1993.
89. Hayes J. Late Roman Pottery. London, 1972.
90. Societa romana e impero tardoantico. Vol. 3. Le merci, gli insediamenti. Ed. par A. Gardina. Milan, 1986.
91. Hommes et richesses dans l'empire byzantin. Vol. 1. IV – VIIIe siecle. Paris, 1989.
92. Whittow M. Ruling the Late Roman and Byzantine city: a continuous history // *Past and Present*. Vol. 129. 1990. P. 3–29.
93. Fowden G. From Empire to Commonwealth: the Consequences of Monotheism in Late Antiquity. Princeton, 1993.
94. Bowersock Gl. Hellenism in late Antiquity. Ann Arbor, 1990.
95. Ethnicity and Culture in Late Antiquity. Ed. by Mitchell and J. Greatrex. London, 2000.
96. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 5.
97. Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // *Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития*. Материалы IX региональной НПК. Т. 1. Белгород, 2007. С. 47–55.
98. Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историко делили // *Диалог со временем*. 13. 2004.
99. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.

100. Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
101. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.
102. Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1.
103. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2. 2000.

CONCEPT OF LATE ANTIQUITY IN THE MODERN HISTORICAL SCIENCE

I.Yu. Vashcheva

The concept of Late Antiquity created by British scholars is very popular in the modern historical science. The origins, essence and cognitive possibilities of this concept are analyzed in this paper. Some difficulties and prospects associated with the use of the new approach in research are discussed.

Keywords: Late Antiquity, early Middle Ages, Roman Empire, Byzantium, historiography, historical science.